

DOI 10.25991/AE.2019.55.88.008
УДК 82.09

А. В. Святославский

Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии,
Институт филологии Московского педагогического государственного университета,
rokrov1988@gmail.com

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»: ОТ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА К СОВРЕМЕННОМУ ПРОЧТЕНИЮ

Статья посвящена анализу динамики восприятия образа главного героя горьковского романа-хроники в меняющемся контексте представлений о месте и роли русской интеллигенции в историческом процессе конца XIX в. и первых десятилетий XX в. Автор доклада ищет ответы на ряд вопросов, среди которых вопросы о том, насколько типичным и весомым в социальном контексте русской жизни получился образ Клима Самгина у Горького; насколько актуальным остается для современного читателя прочтение этого образа как «истории пустой души» в соответствии с первоначальным замыслом писателя; обусловлен ли традиционный негатив в восприятии образа Клима Самгина тем, что он воплощение ненавистного Горькому мещанства, или тем, что он не верит в идеалы революционной перестройки общества; возможно ли оправдание жизненной позиции Клима Самгина современным читателем.
Ключевые слова: М. Горький. «Жизнь Клима Самгина», интеллигенция, мещанство, рецепция, русская литература XX в., советская литература.

A. V. Svyatoslavsky

RECEPTION OF THE MAIN HERO IMAGE OF THE NOVEL BY M. GORKY “LIFE OF KLIM SAMGIN”: FROM THE AUTHOR’S CONCEPTION TO THE MODERN READING

The article is devoted to the analysis of the image of the main character perception dynamics in Maxim Gorky’s novel-chronicle through changing context of ideas about the place and role of the Russian intelligentsia in the historical process of the end of the XIX century and the first decades of the twentieth century. The author of the report is looking for answers to a number of questions, including questions about how typical and weighty in the social context of Russian life was the image of Klim Samgin; how relevant for the modern reader is to read this image as a “history of an empty soul” in accordance with the original intention of the writer; whether the traditional negativity in the perception of the image of Klim Samgin is due to the fact that he embodies bourgeois hated by Gorky, or because he does not believe in the ideals of the revolutionary restructuring of society; is it possible to justify the life position of Klim Samgin by the modern reader?
Keywords: Maxim Gorky, “Life of Klim Samgin”, the 20th cent. Russian literature, intelligentsia, filistinism.

Обращение к рецепции романа «Жизнь Клима Самгина» и его главного героя предполагает вхождение в более общую область историко-культурологического знания, связанную с изучением формирования исторических образов. Общая картина динамики восприятия романа Горького, главного героя и оценок его в советской критике XX века представлена и проанализирована в работе Т. Р. Гавриш [3]. А. И. Овчаренко в работе «М. Горький и литературные искания XX столетия» [13] дал подробный анализ реакции зарубежной критики, включая представителей русских эмигрантских кругов.

Период с 1927 г. (публикация первой части романа) и до кончины Горького в 1936 г. характеризовался в СССР довольно широким спектром мнений: от восхищения до жесткой критики всех аспектов произведения, несмотря на кажущуюся сегодня заданность критики того времени единой идеологической позицией. После 1936 г. ситуация в СССР во многом меняется к безусловному славословию Горького, тормозившему объективный научный анализ «Жизни Клима Самгина» и других произведений.

Критическое отношение к замыслу образа главного героя романа как попытке Горького осудить российскую интеллигенцию было характерно для значительной части эмигрантской критики, что вполне естественно, ибо, по свидетельству самого писателя, замысел романа рождался в свое время как реакция на выход сборника «Вехи», многие авторы которого были вынуждены эмигрировать после 1917 г. «А то еще есть альманах “Вехи” — мерзевшая книжица за всю историю русской литературы», — писал Горький Е. П. Пешковой еще в 1909 г. [7, с. 65].

Иного рода негативные оценки романа Горького происходили из недр РАППа и отчасти сохранили себя в советской критике 1930-х гг. после ликвидации РАППа, будучи вызваны тем, что Горький избрал «зеркалом» российской революционной истории ничтожную личность, вместо того чтобы сделать главным героем носителя правильной пролетарской идеологии. Позднее негатив в отношении романа в СССР уходил по вполне понятным причинам: Горький возвращается в Россию и становится важной в идеологическом отношении фигурой.

Вполне естественно, что по принципу маятника (весьма характерного для истории господствующих идей в России) период безусловного славословия Горького должен был когда-то смениться резко негативным отношением к нему, что и произошло в 1990-х гг. Горького теперь осуждали, в том числе за то, чего он не делал. Это опять затрудняло трезвый анализ творчества писателя, его роли в отечественном литературном процессе. К тому же негативная оценка деятельности «веховцев» Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и др., которых сам Горький называл среди прототипов Клима Самгина, сменилась в 1990-х позитивной — в трудах авторитетных ученых-гуманитариев. Однако во втором десятилетии XXI в. мы вновь наблюдаем признаки очередного движения социально-идеологического маятника вспять. Социологические исследования фиксируют резкое нарастание симпатий масс к советскому строю, обязанному своим существованием тем самым революциям, жестокости которых так пугали эмиграцию, а одно время и самого Горького. Целый ряд работ последнего десятилетия, в том числе в рамках проекта «Русский путь: pro et contra» РХГА, помог наконец подойти более взвешенно к творчеству Горького, но не снял проблемы интерпретации его творчества в рамках идеологических парадигм. Сегодня по-прежнему наряду с позитивной оценкой Горького как ортодоксального носителя советской идеологии, существует мнение о нем как о «внутреннем эмигранте», который, увидев истинное положение дел в СССР, осудил его и мечтал вернуться в Европу. Есть критики и читатели, которые продолжают тенденцию 1990-х, обвиняя Горького в потакании процессу закабаления личности в рамках новой советской идеологии, создании ГУЛАГа и т. д.

Сложность рецепции «Жизни Клима Самгина», как отмечалось не раз, связана с тем, что роман предстает явлением, по крайней мере, двухплановым. С одной стороны, это историческая хроника-эпопея, о чем свидетельствовал сам Горький и что выразилось в немалом объеме произведения и подзаголовке «Сорок лет», с другой — это социально-психологический роман, во многом фокусирующий нас на личности героя, о чем свидетельствует окончательный вариант названия романа. В данной статье мы не обращаемся к анализу всех аспектов романа «Жизнь Клима Самгина», сосредоточившись на образе главного героя.

Однозначно положительная оценка романа во многих отечественных работах сталкивается с тремя мешающими трудностями. Первое — мнение самого Горького о своем романе как трудно идущей, тяжелой вещи, так и не дописанной и с не вполне понятным самому автору концом. Второе — негативная оценка (доброжелательными по отношению к Горькому) собратьями по перу одних и тех же особенностей романа. Третье — негативное мнение современных читателей, основанное на тех же самых, отмеченных профессионалами пера, недостатках.

В связи с этим встает вопрос, насколько вообще актуален сегодня роман Горького, прочтение которого требует от рядового читателя, на наш взгляд, куда больше терпения, чем даже освоение немалых объемов «Войны и мира» или «Тихого Дона». Чтобы получить ответ, нужно обозначить ряд более частных вопросов. Как понимать историческую типичность образа интеллигента, о которой говорит Горький? Что такое русский интеллигент? «Самгинство» есть свойство большинства или меньшинства русских интеллигентов нач. XX века? Насколько Клима Самгин удался как образ, соответствующий замыслу автора, или он «ушел» от автора и стал жить своей жизнью? Возможно ли оправдание Самгина с позиций современного читателя? Есть ли в Самгине что-то от самого писателя или, возможно, это антипод личности Горького? Оправдано ли мнение, что черты личности Самгина в той или иной мере присущи большинству людей всех эпох, и роман Горького может быть прочитан как морально-дидактическое произведение?

Горький сам ответил на некоторые из поставленных нами вопросов в выступлении на заседании редакционного совета Издательства ВЦСПС в 1931 г.

У меня явилось желание, — объяснял писатель, — дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента <...> Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишенного каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века <...> Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне [8, с. 541].

Анализируя различные точки зрения по поводу фигуры Клима, остановимся на статье А. В. Луначарского с характерным названием «Самгин», увидевшей свет в 1932 г. по выходе первых трех частей горьковского романа. Именно Луначарский четко поставил главные вопросы, касающиеся рецепции и интерпретации образа горьковского героя и ответил на них с позиций русского интеллигента-большевика. Жанровую особенность романа Луначарский определяет немецкоязычным термином *Bildungsroman*, то есть роман о становлении характера молодого человека. Интеллигенцию в целом Луначарский рассматривает как «группу мелкобуржуазную», капиталом она не обладает, но продает свой труд капиталистам или государству, которое тоже обслуживает богатых. Из этой группы выделяется часть интеллектуальных *тружеников*, врачей, педагогов, деятелей искусства, которые по определению близки к социализму. Таким образом, российская интеллигенция оказывается расколота по принципу служения интересам крестьянства (XIX век) и пролетариата (XX век), или, напротив, служения капиталу и антинародному государству

[11, с. 120]. Но доля прогрессивной интеллигенции представляется Луначарскому не слишком внушительной, поскольку он замечает, что «все-таки известная, очень широкая часть интеллигенции может посчитать себя уязвленной этими тремя томами» романа Горького [11, с. 109]. Разница психологических типов сводится к тому, что первые готовы отдавать себя общему делу, делу интересов народа, вторые — заботятся лишь о собственных удобствах, при этом испытывая равнодушие, страх или высокомерие по отношению к народу. Характерной чертой вторых является, по Луначарскому, их бесполезность, заставляющая создавать иллюзию собственной значимости, в том числе, путем бесконечного суесловия.

Осуждая «самгинство», делает вывод Луначарский, Горький делает полезное дело, переводя роман в воспитательную плоскость. Несмотря на большевистский радикализм, Луначарский понимает, что граница между двумя типами интеллигентов до некоторой степени условна, что черты Самгина в той или иной степени продолжают жить в представителях уже новой, советской, интеллигенции, а значит, читая роман, читателю полезно примерить черты Самгина на себя. «Хороший, здоровый тип, готовясь праздновать, или сделать пустое дело, или еще что-нибудь в этом роде, вспомнив Клима Самгина, вдруг спросит себя: “А не похож ли я буду на сего джентльмена”?»», — делает вывод Луначарский [11, с. 125].

Еще один важный для понимания образа горьковского героя момент отметил Б. А. Бялик [2], при анализе образа Самгина совершенно справедливо обратившись к теме «Горький и мещанство». Очевидно, что осуждение мещанства проходит через все творчество Горького, включая его драматические и прозаические произведения, выступления, письма и статьи. Бялик цитирует характеристику мещанства из горьковской статьи 1905 года «Заметки о мещанстве» (уродливо развитое чувство собственности, страх перед всем, что нарушает личный покой и т. д.), прилагая ее к образу Клима Самгина и получая в итоге портрет его души. Анализируя роман «Жизнь Клима Самгина», нельзя не вспомнить слова Горького в выступлении на I Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г.:

О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и др. [16, с. 16].

Феномен, понимаемый Горьким как мещанство, в реальности характеризует обширное явление массовой культуры в европейском обществе. Х. Ортега-и Гассет среди определяющих черт европейца, носителя массовой культуры, которого по-русски можно назвать мещанином, обозначает эгоизм («жизнь для себя»), непрерывное стремление к улучшению личного комфорта, притязание на различные права в ущерб обязанностям. Ощущение собственного

превосходства над людьми заставляет массового человека «навязывать свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно» [14, с. 88]. Сам Горький в статье «О социалистическом реализме» (1933) и в выступлении на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934) рассуждает о том, что мещанство, несмотря на свое мелкобуржуазное происхождение, не ушло в прошлое и черты его проявляют себя в среде новой советской интеллигенции.

И все-таки возникает старый читательский вопрос: возможен ли такой резко отрицательный тип в жизни? Ф. Энгельс в известном определении художественного реализма обозначил, что данный метод «предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типических характеров в типических обстоятельствах» [23, с. 35]. Б. В. Томашевский определяет основу реализма как «стремление к наибольшему подражанию жизни» [21, с. 45]. Социалистический же реализм, образцом которого считался анализируемый роман Горького, теоретики литературы в его время понимали как метод, требующий от художника «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии», причем «правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [22, с. 716]. Насколько образ Самгина жизнеподобный, насколько он типичен — если исходить из приведенных и ставших каноническими в советское время характеристик реализма? С одной стороны, можно упрекнуть Горького, что он потратил столько сил, чтобы подробнейшим образом расписать жизнь человека, отказав ему в каких-либо достоинствах, в добрых поступках, идущих от души, а не от корысти или страха. Другой и даже настоящих *приятелей* у Клима нет, к женщинам он подходит потребительски, гражданская активность его оказывается вынужденной и неискренней и т. д. Тогда кажется, что Горький перебрал черной краски, и образ не жизнеподобен. С другой стороны, вспоминается предание о высказанном в разговоре намеке Горького на себя самого как прототипа Клима Самгина. Конечно, легче всего отвергнуть подобную гипотезу, хотя бы на основании того, что Горький по натуре искренний альтруист, не замкнутый в собственном эгоизме. Однако намек Горького, если и был таковой, может быть истолкован совершенно по-другому — как мысль о том, что какие-то черты Самгина в той или иной мере сидят в каждом человеке, тогда смысл духовного роста и сводится к стремлению преодолеть в себе «самгинщину». Типичность Клима Самгина заключается в типичности отрицательных черт его характера, которые в зародыше существуют в каждом. Воспитательную роль «Жизни Клима Самгина» подчеркнул уже Луначарский в указанной выше работе, когда писал, что «те, в ком много Самгина, могут увидеть в его образе пощечину себе.

Те, в ком его немного, увидят здесь как бы целебную хирургическую операцию, извлекающую из них большое» [11, с. 110].

Остановимся теперь на критических мнениях, высказанных литераторами, в целом высоко оценивавшими мастерство Горького. В переписке Горького с писателями обращают на себя внимание отзывы о «Климе Самгине» М. Пришвина, Ф. Gladкова и Б. Пастернака. Пришвин в переписке придерживается достаточно взвешенных и во многом положительных оценок романа «Жизнь Клима Самгина», однако в своем дневнике отзывается о прочитанной им в 1927 г. первой книге романа достаточно критически.

У Горького, — записывает он 25 октября 1927 г., — характерна бесконечная дробимость его выносных мыслей, образуется что-то вроде фарша в романе, которым начиняются лица все без различия пола и возраста, так что разговор гимназистов иногда можно отнести к беседе индусских мудрецов. И вот если у Гоголя является чёрт из трагедии сердца, то у Горького, я думаю, он выходит из трагедии разума, из упрямого желания разделять и бесконечно дробить то, что по существу своему не делимо. Притом эта подмена необходимого синтеза незаконным анализом происходит помимо воли автора, переносится где-то в его подсознательное я, и вот почему его творчество характерно чудовищными провалами. Говоря попросту, он при громадном художественном таланте, далеко превосходящем в смысле постижения жизни наше обычное разумное ее понимание, непременно хочет быть и обыкновенным разумником. Очень возможно, что его рассудочный герой Клима, который «учится любви», и является образом Горького, который тоже все учится. Прочитав больше половины этого фаршированного романа, я с большой радостью отдохнул на подлинно горьковской странице про охоту на сома [18, с. 509].

В письме Горькому от 2–3 ноября 1927 г., высоко оценивая художественное мастерство Горького, Пришвин проводит мысль о том, что самое сильное в романе это историческая панорама и событийные сцены (описание Ходынской катастрофы, описание ярмарки в Нижнем Новгороде и под.) и критикует Горького за утомительность диалогов [17, с. 352]. Позднее, в дневнике 1946 года от 30 марта Пришвин как бы одергивает себя аналогией с «Климом Самгиным», работая в это время над романом «Осударева дорога»: «Под влиянием сна вчера написал целую новую 7-ю главу. И так хочу дальше, не засиживаясь, вперед и вперед /.../ иначе выйдет <как> у Горького его жвачка “Клима Самгин”» [19, с. 102].

Показательно, что именно в переписке с Пришвиным сам Горький уже в 1927 г. отмечает трудности в работе над романом. «Роман мой я еще не кончил, — пишет Горький Пришвину из Сорренто, — и не знаю, когда кончу, но уже почти уверен, что это будет книга тяжелая и неудачная» [6, с. 345]. О «Климе» как «тяжелой и трудной книге» Горький также писал 16 июня 1933 г. А. П. Чапыгину.

В унисон пришвинским мыслям о том, что отрицательный образ у Горького выходит не из «трагедии сердца», а из «трагедии разума» звучат обращенные к Горькому по прочтении «Самгина» строки из письма Федора Gladкова:

Очень вы много говорили и говорите о человеке, о любви к нему. А мне кажется, что вы не любите людей, презираете их и глумитесь над ними. И все, что вы пишете о людях, — все это от ума, и ум у вас какой-то диогеновский, а может быть и аввакумовский — горький и жуткий ум [5, с. 97–98].

Однако именно трудность чтения и осмысления романа Горького была воспринята как его достоинство — Б. Пастернаком, который фактически оценил «Клима» как произведение для элитарного читателя, способного терпеливо осмыслять авторские замыслы. Считая первую книгу «Самгина» более удавшимся произведением, чем «Дело Артамоновых», Пастернак пишет:

Однако, вдумываясь (просто для себя) в причины художественного превосходства повести, я нахожу, что ее достоинства прямо связаны с тем, что читать ее труднее, чем «Д<ело> А<ртамоновых>», что, обсуждая вещь, с интересом и надеждой тянешься к оговоркам и противоположениям, короче говоря, высота и весомость вещи в том, что ее судьба и строй подчинены более широким и основным законам духа, нежели беллетристика беспорядная [15, с. 305].

Выходит, что в годы, когда все, включая самого Горького, рассуждали о формировании массового советского читателя, «Клима Самгин» оказывается рассчитанным на читателя-интеллектуала, — в том своем аспекте, который не связан с описаниями ловли сома или Нижегородской ярмарки, а связан с осмыслением роли русской интеллигенции. Уже Пришвин в переписке с Горьким отметил, что его восемнадцатилетний сын Петр, читая «Клима», выпускает бесконечные диалоги, заостряя внимание на *изображении*. В 1930-х гг. процент интеллектуалов-читателей в СССР был не высок. «Писатели и критики, равно как и читатели, были методологически и культурно мало подготовлены к объективному толкованию горьковского эпоса», — отмечают с высоты лет современные исследователи [12, с. 49].

Что думал сам Горький о рецепции романа? Т. Р. Гавриш отмечает, что «Горький, внимательно следивший за восприятием романа и его заглавного героя, пытался приостановить прочтение своего произведения только в рамках актуальных для 30-х годов социально-политических оценок» [3, с. 3]. При этом исследователь приводит свидетельство самого Горького из письма критику И. Груздеву от 18–19 февраля 1930 г., где Горький слышится, что на поверку дня его Самгин выходит слишком негативным типом, которого сам автор слишком «энергично бичует», не желая того. А. И. Овчаренко, обращаясь к тому же адресованному Горьким к Груздеву письму, отмечает, что «антипатия его [Горького. — А. С.]

к Климу Самгину настолько сильна, что от произведения порой веет холодом» [13, с. 297], но недовольство собой этот литературовед объясняет тем, что Горький, не отрицая личной антипатии, хотел бы искуснее скрыть авторское неприятие героя, подав его в более объективированном виде. Таким образом, Овчаренко переводит причины недовольства Горького из идейной плоскости в плоскость художественную.

Анализ приведенных точек зрения снова заставляет задаться вопросом: то ли Горький мировоззренчески эволюционировал уже в краткий период от середины 1920-х к моменту написания письма Груздеву (1930) и решил смягчить отношение к своему герою, отнестись с большим пониманием к человеческим слабостям и духовным поискам Самгина, то ли Горький был недоволен лишь подачей материала, выявившей чрезмерную идеологическую ангажированность писателя в образе автора и повествователя.

Это часть более общего и важного для нас вопроса: насколько вызвана отрицательная критика романа в СССР, в постсоветской России и за границей — неприятием причинами идеологического порядка, а насколько изъятиями художественного плана? В эпоху, когда в СССР полагалось безоговорочно хвалить Горького, говорить о второго рода причинах считалось невозможным, роман «Жизнь Клима Самгина» подавался как удачный во всех отношениях, во-первых, потому что идеология доминировала, а во-вторых, Горький был признанным мастером слова. Однако сам Горький, не страдавший манией величия, как видим, признавался в больших трудностях работы над последним романом, весьма жестко и критически отзывался о своем детище. И в итоге так и не дописал его, что тоже видится знаковым фактом. Конечно, неправильно было бы сказать, что роман не удался, потому что не был дописан. Анализ причин недописанных романов — дело неблагодарное, хотя и увлекательное. Однако можно отважиться предположить, что в данном случае причина кроется в том, что Горький поставил перед собой слишком всеохватывающую задачу. Подобным образом два десятилетия спустя А. Т. Твардовский объяснит неудачу фадеевской «Черной металлургии».

Ведь даже если не принимать во внимание критику романа как пасквиля на русскую интеллигенцию (эмигрантская критика), то нельзя не заметить замечаний со стороны советских, причем даже ценящих Горького, братьев по перу. Мы уже приводили мнение Пришвина, к нему добавляется мнение К. И. Чуковского, записавшего в дневнике 30 января 1928 г.: «Сегодня я читаю лекцию о Горьком и по этому случаю ночью, проснувшись, стал перелистывать “Жизнь Клима Самгина”. Отдельные куски — хороши, а все вместе ни к чему. Не картина, а панорама, на каждой странице узоры» [24, с. 507]. Чуковского, плакавшего при известии о кончине Горького, высказавшего немало добрых слов

о нем, нельзя обвинить в идейной неприязни к Горькому при всей разнице их мировоззрений.

Характерна и запись о Горьком Александра Твардовского, тоже для себя — в дневнике от 20 апреля 1955 г., по прочтении тома переписки Горького: «Письма Горького — великий воистину, но тяжелый, малообаятельный, деланный и нудноватый человек» [20, с. 200]. Великий, но нудноватый. Не отразилась ли эта «нудноватость» Горького в образе Клима? Георгий Адамович, будучи представителем эмигрантской литературы, тем не менее, критиковал роман Горького не за идеологические установки, чуждые «Русскому Зарубежью», но за художественные недостатки.

«Жизнь Клима Самгина», — писал он в специальной статье, посвященной этому произведению, — скучна не столько по материалу или теме, сколько по манере изложения: бесконечный, медленный поток лиц, разговоров, событий и картин, без всякого развития и, в сущности, даже без фабулы <...>. В «Климе Самгине» встречается множество удачнейших, живых и очень ярких эпизодов, но в целом они будто «вкраплены» для развлечения читателя и тягучую ткань романа лишь иллюстрируют, как вставные картинки, с ней не сливаясь [1, с. 118].

Теперь мы видим, что целый ряд мнений о недостатках романа касается, во-первых, *одних и тех же* художественных особенностей и, во-вторых, принадлежит не массовому читателю или недоброжелателям Горького, а тем, кто традиционно высоко оценивал его мастерство. Очевидно, что исправить указанные недостатки романа путем дальнейшего его дописывания, следуя в том же русле и множа число действующих лиц, их монологи, диалоги, полилоги, рефлексии и проч. было невозможно. А значит, даже лучше, что роман остался незавершенным и при этом состоялся как заметный факт мировой культуры.

Восприятие романа современным студенчеством, как показала наша работа со студентами педагогического вуза, сталкивается ровно с теми же проблемами художественного плана, что были обозначены Пришвиным, Чуковским, Адамовичем, Твардовским... Положительная оценка романа теми, кто сумел-таки его прочитать полностью или отчасти, сводится к похвале традиционной горьковской изобразительности (сцены Ходынской катастрофы, Нижегородской ярмарки, Кровавого воскресенья, а также водружения колокола, ловли сома и под.). Отрицательная состоит в упреке автору за перегруженность романа бесконечными диалогами и рассуждениями. Звучали, например, мнения о том, что для осуждения мещанства и недостатков русской интеллигенции в нашей литературе достаточно малых чеховских форм и совсем не нужно было писать четырехтомную эпопею, продолжение которой ушло в бесконечность.

Основное впечатление от образа главного героя у автора данной статьи всегда сводилось к тому, что

Горький хотел показать в Климе беспомощность значительной части русской интеллигенции перед лицом решения социальных и политических задач, той немалой части, которая радостно приветствовала Февральскую революцию 1917 года, а затем, войдя в новые органы власти, оказалась беспомощной перед лицом необходимости преодоления экономического и политического кризиса. Уже 3 июня на I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов председатель Петросовета И. Г. Церетели ставит вопрос о политической партии, которая могла бы взять на себя ответственность за политический процесс и события продолжающейся революции, но ответа не получает, пока ответ не прозвучал на следующий день в выступлении лидера большевиков В. И. Ленина: «наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком» [10, с. 267]. Горький не принял то время жестоких методов большевиков, но позднее, в 1920-х гг. осознал, что история неизбежно выбрала именно их, потому что Клима Самгина оказался годен лишь для суесловия и суемыслия. Глубокое постижение психологии этого типа, конечно, было связано не только с тем, что писатель «знал» самгиных лично, как он заметил в упомянутом выступлении на заседании редакционного совета Издательства ВЦСПС в 1931 г., но в определенном смысле носил какие-то черты интеллигента Самгина в себе.

Литература

1. Адамович Г. В. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького // Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные заметки. В 5-ти кн. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / Подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. — СПб.: Алетей, 2007. — С. 117–124.
2. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М.: Худож. литература. — 392 с.
3. Гавриш Т. Р. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького в литературном процессе 1920 — нач. 1930-х гг. — Дисс. канд. филол. наук. Москва. ИМЛИ РАН, 1999. — 210 с.
4. Гавриш Т. Р. Проблема романного сознания («Жизнь Клима Самгина»: Жанр и герой) // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. / Сер. «М. Горький. Материалы и исследования» основана в 1989 г. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 317–355.
5. Гладков — Горькому. Москва. 7 VIII. 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 97–99.
6. Горький — Пришвину. Сорренто, апрель 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 344–345.
7. Горький М. / А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой (1906–1932). В 2 кн. Т. IX. М.: Наука, 1966. — 479 с.
8. Горький М. Собр. соч. В 30 т. Т. 19. «Жизнь Клима Самгина». 1925–1935. Примечания. М.: ГИХЛ, 1952. С. 541–545.
9. Киселева Л. Ф. «Жизнь Клима Самгина» в зеркале современности // Новый взгляд на М. Горького. М. Горький и его эпоха. Мат-лы и исслед. М.: Наследие, 1995. С. 98–102.
10. Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М.: Политиздат, 1969. С. 263–276.
11. Луначарский А. В. Самгин // Луначарский А. В. О Горьком. М.: Худож. литература, 1975. С. 84–134.
12. Неженец Н. И., Палева Н. Н. «Жизнь Клима Самгина»: Незавершенный роман Горького // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры. 2018. № 2. С. 46–55.
13. Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. 3-е изд. М.: Худож. литература, 1982. — 590 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. С. 13–198.
15. Пастернак — Горькому. Москва. 23.XI 27. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 304–306.
16. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. — 718 с.
17. Пришвин — Горькому. 2–3 ноября 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 352–353.
18. Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003. — 592 с.
19. Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М.: Новый хронограф, 2013. — 968 с.
20. Твардовский А. Т. Дневник. 1950–1959. М.: ПРОЗАиК, 2013. — 526 с.
21. Томашевский Б. В. Теория литературы. Ростов-на-Дону: Феникс; СПб.: Северо-запад, 2006. — 192 с.
22. Устав Союза Советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Приложение VIII. М., 1934. С. 716–718 с.
23. Энгельс / Ф. Энгельс — Маргарет Гаркнесс, апрель 1888. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1965. С. 35–37.
24. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969. В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 638 с.